


в ситуации, регулируемой сетями и протоколами (А. Гэллоуэй). Анализ поэтических текстов современных русскоязычных поэтов (С. Тимофеева, Н. Скандиаки, Д. Ларионова, Е. Сусловой, Н. Сафонова, Р. Амелина) подталкивает к выводу об особом типе рефлексивности современного автоматизированного субъекта, чьи практики интроспекции существенно отличаются от самовосприятия субъекта авангарда и имеют другой критический потенциал. *Сергей Бирюков* (Университет имени Мартина Лютера, Германия) в своем докладе «*Международная Академия Зауми и традиции авангардных институций постреволюционной России*» разобрал институциональные связи современной экспериментальной поэзии с «аббревиатурами», институций Малевича, Кандинского, Якобсона и др. Бирюков рассказывал о создании новой по отношению к 1910—1920-м годам институции — Международной Академии Зауми (1990), независимой, не имеющей формального закрепления, но объединившей поэтов авангардного направления, исследователей, переводчиков, издателей. АЗ в сотрудничестве с другими институциями провела десятки конференций, коллоквиумов, семинаров в разных странах, инициировала теоретико-художественные издания, переводы на различные языки. Во многих странах действуют отделения АЗ. Академия присуждает Международную отметину имени отца русского футуризма Давида Бурлюка за достижения в области авангардного творчества и авангардоведения. Членами АЗ были такие выдающиеся деятели внеисторического авангарда, как Геннадий Айги, Елизавета Мнацаканова, Борис Кудряков, Виктор Соснора, Ры Никонова, Сергей Сигей, крупнейшие филологи — В.П. Григорьев, Ю.С. Степанов.

«АЗ, — завершая доклад, говорил Бирюков, — остается своеобразным мостом, связующим разные периоды и национальные разделы авангарда». И участники конференции, чувствуя себя причастными к большой истории, стали расходиться по домам и разъезжаться по аэропортам.

Павел Арсеньев, Дмитрий Бреслер



Международная научная конференция «Институты литературы и государственная власть в России XIX века»

*ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, НИУ ВШЭ
в Санкт-Петербурге, 15—16 октября 2020 года*

Как и многие научные события пандемического 2020 года, международная конференция «Институты литературы и государственная власть в России XIX века», организованная под эгидой Пушкинского Дома и НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, прошла в дистанционном формате на платформе Zoom с трансляцией на YouTube-канале Пушкинского Дома¹. Работа секций начиналась непоздним днем, а заканчивалась в непривычные 22:00 по Москве — благодаря этому в конференции могли

1 Видеозапись заседаний доступна на YouTube-канале Пушкинского Дома (<https://www.youtube.com/playlist?list=PLzrCciJvqPLQOjNsRd6rvFRvwoYiL8BqM>).

принимать участие специалисты из разных часовых поясов, и создавалось впечатление практически круглосуточного научного общения. Магистральная тема конференции, выросшая из исследовательского проекта, посвященного судьбе институтов литературы и их взаимодействию с государством в «долгом» XIX веке², объединила ведущих специалистов по истории русской литературы и книгоиздания и позволила выстроить очень интересное и оживленное обсуждение на протяжении всех заседаний.

Научную программу конференции открыл Алексей Вдовин (НИУ ВШЭ, Москва) докладом «*Институциональный ресурс и индустрия хрестоматий в имперской России (на примере “Русской хрестоматии” А. Д. Галахова)*». В докладе были проанализированы механизмы государственной поддержки издательских предприятий этого крупнейшего педагога. В центре внимания докладчика оказался ранний период деятельности Галахова: 1840—1850-е годы. Докладчик показал, что Галахов использовал учебные заведения ведомства императрицы Марии в качестве платформы для инноваций в образовании, поскольку программа в этих учебных заведениях контролировалась менее строго, чем в гимназиях Министерства народного просвещения, и допускала больше свободы в выборе авторов для чтения. Вдовин рассказал об усилиях, предпринятых Галаховым для получения рекомендаций Министерства народного просвещения, описал каналы распространения хрестоматий, еще не рекомендованных в качестве обязательных. Докладчик сделал вывод, что Галахов был не только автором хрестоматий, но и создателем новых «патронажных» моделей распространения интеллектуального продукта.

Яна Агафонова (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) в докладе «*Комиссия по устройству народных чтений. Проект народного просвещения*» рассматривала издания «воспитательных» брошюр в контексте государственной просветительской стратегии 1870-х годов. Был рассмотрен вопрос о специфике государственного проекта народного просвещения, инициированного Комиссией по устройству народных чтений, состоявшей при Министерстве народного просвещения. Исследование воспитательной литературы позволило докладчице выявить общую систему ценностей, в соответствии с которой требовалось воспитать у человека из народа принципы общежития, убедить соблюдать гигиену и вести трезвый образ жизни, а также поднять престиж образования в целом и чтения в частности. Изучение истории и способов организации народных чтений также дало возможность показать ранние механизмы и стратегии косвенного контроля государства за полуграмотной массой людей. Отвечая на вопросы, докладчица более подробно рассказала о репертуаре чтений, который включал переложения классических литературных произведений, травелоги, научно-популярные тексты и др.

Доклад Натальи Гринченко и Натальи Патрушевой (РНБ) «*Система обязательного экземпляра произведений печати в России в XIX — начале XX века*» был посвящен важной функции цензурных органов, а именно комплектованию крупнейших библиотек Российской империи экземплярами всей выходящей в стране печатной продукции. Система обязательного экземпляра была введена в 1783 году для Библиотеки Санкт-Петербургской академии наук, с 1810 года действовала для Императорской Публичной библиотеки и, наряду с комплектованием национального библиотечного фонда, давала возможность вести контроль за содержанием произведений печати. В докладе была охарактеризована эволюция системы обя-

2 Промежуточные результаты этого исследовательского проекта, как и описание его научной идеологии и основных проблемных точек, были представлены в блоке статей «Институты литературы в имперской России», опубликованном в 164-м номере «Нового литературного обозрения».

зательного экземпляра: показано, как она формировалась и какую имела цель; были освещены проблемы функционирования этой системы (отношение к ней частных издателей и влияние на нее неблагоприятных ситуаций политического характера), ее особенности и противоречия.

В завершение первого заседания выступила *Юлия Сафронова* (ЕУСПб) с докладом «*Литература “не по возрасту”: учителя и чиновники Святейшего Синода о круге чтения семинаристов 1870-х годов*». В центре внимания оказался сложный статус «нелегальной литературы». Один и тот же текст мог быть одновременно запрещенным и разрешенным в зависимости от формы бытования или категории читателя. Так, при определении круга чтения учеников духовных семинарий рассматривался не только принципиальный запрет на тот или иной текст или возрастные ограничения, но и его потенциальная роль в формировании будущего духовного пастыря. Существовали две противоположные позиции по поводу допустимости знакомства семинаристов с тенденциозной литературой: полный запрет или подробное знакомство под контролем преподавателя, обеспечивающее в будущем способность священнослужителей опровергать «лжеучения». В докладе было рассмотрено, как реагировали чиновники и учителя Святейшего Синода на случаи чтения их воспитанниками запрещенной литературы, среди которой были сочинения Л. Фейербаха и журнал «Вперед». Докладчица пришла к выводу, что в отсутствие четких критериев запретного, а также указаний о допустимости знакомства будущих пастырей с социалистическими идеями преподаватели оказались не способны распознавать запрещенную литературу и не готовы наказывать своих учеников за знакомство с ней.

Второе заседание, тематически озаглавленное «*Институты литературы и система патронажа в первой половине XIX века*», открыла *Алина Бодрова* (НИУ ВШЭ, Москва / ИРЛИ РАН). Ее доклад «*Ранняя история Вольного общества любителей российской словесности (1816—1819): между автономией и государственными привилегиями*» был посвящен проблематизации и анализу положения институционализированных литературных объединений конца 1810-х — первой половины 1820-х годов и описанию их стратегий, парадоксально сочетавших как тенденции к автономизации, так и использование государственного патронажа. Опираясь на широкий круг материалов из архива Вольного общества любителей российской словесности (ВОЛРС, 1816—1825), докладчица продемонстрировала, каким образом его участники и руководители использовали новые возможности внутри литературного поля наравне с административно-властными ресурсами, доступ к которым открывало покровительство министра народного просвещения и духовных дел А.Н. Голицына. В качестве специального кейса была проанализирована история официального утверждения ВОЛРС, растянувшаяся более чем на год и завершившаяся в начале 1818 года, в ходе которой Обществу пришлось столкнуться с противодействием А.С. Шишкова, стремившегося сохранить монополию возглавляемой им Российской Академии в поле просветительской и литературной деятельности. Исследовательница показала роль министра внутренних дел О.П. Козодавлева, выступившего невольным арбитром в споре представителей ВОЛРС и адмирала Шишкова, и подчеркнула значимость приобретения официального институционального статуса для литературного общества, не отменявшего, однако, его внутренних «демократических» установок.

Доклад *Михаила Велижева* (НИУ ВШЭ, Москва) «*Конкуренция институтов: эпизод из истории ранних полемик между западниками и славянофилами*» был посвящен одному из первых эпизодов в истории соперничества московских «западников» и «славянофилов» — спорам зимы 1839—1840 года. Докладчик сосредоточился на институциональной подоплеке этой полемики, показав, в каких пуб-

личных пространствах представители разных взглядов на русскую историю конкурировали между собой и какие именно сферы они считали для себя более значимыми. По наблюдениям Велижева, будущие лидеры оппозиционных лагерей — Хомяков, Киреевский, Чаадаев, Грановский и др. — в этот момент сосуществовали в одном понятийном и институциональном пространстве интеллектуального московского салона, а размежевание происходило по другим линиям. Так, желание Грановского полемизировать и поддерживать дружеские отношения с противниками вызывало активное неприятие Бакунина, считавшего невозможным поступать истиной и поддерживать отношения с теми, кто, с его точки зрения, представлял ложные взгляды. При этом Грановский, сохраняя в частной жизни и светском общении отношения с Киреевскими, на университетских лекциях выстраивал свою позицию скорее по бакунинской ригористической модели, позволяя себе пламенные выпады против славянофилов. Из всех этих фактов следует, по мысли докладчика, что дальнейшая острая полемика славянофилов и западников стала в том числе итогом эволюции институциональных моделей полемического поведения в начале 1840-х годов.

Доклад *Дмитрия Бадаляна* (РНБ) «*Журналистика и власть в России 1830—1840-х годов: отношения патроната и клиенты в ситуации межведомственных столкновений*» вызвал оживленную дискуссию. В центре доклада, посвященного системе неформальных отношений, связывавшей в 1830—1840-е годы крупных государственных деятелей с редакциями периодических изданий, литераторами, учеными и цензорами, оказались два конкурирующих ведомства — III Отделение и Министерство народного просвещения. Докладчик описал негласную иерархию покровительствуемых изданий, которая была выстроена III Отделением и которую соблюдали в официальных отношениях высокопоставленные чиновники, включая С.С. Уварова. Отвечая на вопрос А.И. Рейтблата о причинах разногласий между ведомствами Уварова и Бенкендорфа, Бадалян, отослав к своим недавним публикациям³, попытался интерпретировать их как конфликт между «русской», «национальной» партией (Уваров) и «немецкой», «космополитической» партией (III Отделение), что ожидаемо вызвало новый виток дискуссии.

Екатерина Лямина (НИУ ВШЭ, Москва) и *Наталья Самовер* (Сахаровский центр) выступили с докладом «*Похороны И.А. Крылова: как в 1844 году в Петербурге к штыку приравняли перо*». В докладе были детально проанализированы обстоятельства и контекст погребения И.А. Крылова 13 ноября 1844 года в Петербурге. С опорой на редко использовавшиеся и впервые вводимые в исследовательский оборот источники были выявлены специфическая прагматика и семиотика таких черт этих похорон, как их организация, предварительные административные распоряжения, состав присутствующих, оформление гроба и похоронных принадлежностей и т. д., показано значительное участие императора Николая I в идеологическом оформлении погребения баснописца («Крылова хоронит царь», — как значилось в записке III Отделения). Докладчицы также рассмотрели в соответствующем контексте отклики на смерть Крылова в российской и зарубежной печати.

Ряд канонических авторов закономерно продолжил Пушкин, которому было посвящено заключительное заседание первого дня — «Литература и власть: случай Пушкина». Его открыла *Вера Проскурина* (Университет Эмори) докладом «*Пушкин между Петром I и Екатериной II: журнал “Современник” 1836 года*». По мысли докладчицы, в издательском плане пушкинского журнала на 1836 год, пер-

3 *Бадалян Д.А.* «Официальная народность» или народность? С.С. Уваров и А.С. Хомяков // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 51—66; *Он же.* С.С. Уваров и журнальная борьба 1830—1840-х годов // Там же. С. 203—218.

вый том которого открывался «Пиром Петра Первого», а четвертый представлял публике «Капитанскую дочку», нашло отражение конструирование утопической модели взаимоотношений с властью. В «Пире Петра Первого» исследовательница предлагает видеть не программный, но «ритуальный» текст — своего рода *hommage* императору (задаваемый аналогией «Петр I — Николай I»), в середине декабря 1835 года издавшего указ о смягчении наказания ссыльным декабристам (в числе которых был и В.К. Кюхельбекер). В качестве значимой параллели и вероятного источника Проскурина обратила внимание на стихотворение Державина «Шествие по Волхову российской Амфитриты» (1810) — комплиментарную оду в «забавном слог», воспевающую в том числе милосердие. Существенно, что такое идеализированное отношение к Петру I заметно контрастирует с тем разочарованием Пушкина в фигуре первого русского императора, которое он испытал в процессе работы над «Историей Петра». Сходный идеализированный взгляд отличает и образ Екатерины II в «Капитанской дочке».

Тему позднего пушкинского творчества продолжил Олег Проскурин (Университет Эмори) докладом «К генезису стихотворения А.С. Пушкина “Из Alfred Musset / Из Пиндемонти” (Дружеская переписка — журнал — цензура — поэзия?)». Докладчик показал, что упомянутое стихотворение Пушкина тесно связано с содержанием и проблематикой «парижских писем» А.И. Тургенева и подготовкой на их основе статьи «Париж: Хроника русского» для «Современника», а также сопутствующим этой подготовке приспособлением текста к цензурным условиям. В генезисе пушкинского стихотворения, таким образом, участвовали по крайней мере три литературных института: дружеская переписка — журнал — цензура. Полемизируя с определением этого стихотворения Н.В. Измайловым как одного «из наиболее откровенных и глубоко субъективных», докладчик показал, что оно изначально замышлялось и строилось не как выражение заветных «мыслей и чувств» поэта, а как «чужое слово»; это не «монолог Пушкина», а монолог европейца, французского автора, ориентированный на французскую политическую проблематику. По убеждению Проскурина, имя Мюссе не цензурная маска, а важнейший элемент художественной структуры стихотворения. При этом, однако, и фигура Мюссе оказывается достаточно условной: она вбирает в себя позиции некоторых других французских литераторов, исключительно важных для Пушкина 1830-х годов. Кроме того, по мысли докладчика, целый ряд образов стихотворения, которые часто воспринимаются как поэтические формулы, могли подразумевать конкретные политические отсылки к предметам французских парламентских обсуждений 1835—1836 годов (так, в строке о «сладкой участи оспаривать налоги» Проскурин предложил видеть отражение дебатов во французской Палате депутатов о налогообложении сахарного производства). Таким образом была показана важность актуального политического контекста и политической истории Июльской монархии, а также неоднозначная связь стихотворения (и позиции его лирического субъекта) с реальной политической позицией Пушкина в 1836 году.

Галерею пушкинских сюжетов закрывал Илья Виницкий (Принстонский университет), который выступил с докладом «Царская милость и советская пакость: Дело о “Гаврилиаде” и процесс Синявского и Даниэля». Доклад был посвящен обратившей на себя пристальное внимание английских и американских журналистов и историков одновременной публикации на одной странице «Комсомольской правды» 12 февраля 1966 года отчета о судебном процессе Синявского и Даниэля накануне приговора и статьи собственного корреспондента газеты С. Феклистова об идентификации неким видным пушкинистом «уникальнейшей» находки письма Пушкина с признанием Николаю I в авторстве «Гаврилиады». В статье особо подчеркивалось, что после признания поэта в авторстве крамольной поэмы царь,

как это было ему свойственно, великодушно простил Пушкина, и дело было закрыто. Доклад был посвящен влиятельной идеологеме великодушной милости государя, прощающего признавшегося в юношеской проделке поэта. Докладчик сосредоточился на анализе «культурного смысла» неожиданного и весьма широкого политического резонанса, который произвела информация о статье С. Феклистова в СССР и на Западе.

Второй день работы конференции открылся заседанием, посвященным биографии и творчеству И.А. Гончарова, писателя, который успешно сочетал служебную карьеру и литературное призвание. Заседание вели Майя Кучерская и Ольга Макаревич. В докладе Александры Романовой (ИРЛИ РАН) «*Служебная деятельность И.А. Гончарова в Департаменте внешней торговли помимо обязанностей переводчика*» были обобщены данные о службе Гончарова в Министерстве финансов в качестве чиновника. Докладчица сознательно не обращалась к более известным сторонам деятельности Гончарова как переводчика, а затем секретаря экспедиции Е.В. Путятина, сосредоточившись на неизученных материалах, относящихся к раннему и плохо исследованному периоду биографии писателя. Романова познакомила слушателей с рядом неизвестных ранее служебных документов, подготовленных при непосредственном участии Гончарова, показав, что его служебная деятельность в 1830—1850-е годы была более разнообразна, чем принято считать.

Сергей Гуськов (ИРЛИ РАН / НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) в докладе «*Гончаров — сочинитель и чиновник*» подверг критике общепринятое мнение об исключительно негативном влиянии служебной карьеры на творческий путь автора «Обломова». Такого мнения придерживались исследователи творчества Гончарова, современники Гончарова и даже сам Гончаров. Докладчик попытался доказать, что это мнение ошибочно. На примерах из раннего творчества писателя, его романов и публицистических произведений, а также на биографических сюжетах было продемонстрировано, каким образом происходило взаимодействие двух социальных ролей Гончарова, в исполнении каждой из которых он достиг впечатляющего успеха. В частности, было показано, как взаимодействовали поле литературы и поле власти при создании его последнего романа «Обрыв» и как служебные интересы и служебные обязанности повлияли на творческую историю этого произведения.

Надежда Калинина (ИРЛИ РАН) в докладе «*И.А. Гончаров в Совете министра внутренних дел по делам книгопечатания и в Главном управлении по делам печати (1863—1867)*» отметила, что, несмотря на одновременное присутствие Гончарова в поле литературы и в поле власти, социальные связи Гончарова в литературном мире оказались менее обширными, чем в бюрократическом. На материалах проекта «Гончаров. Служебный круг» докладчица показала, сколь разнообразно и обширно было служебное окружение писателя, насколько «литературным» оно было и какое влияние оно оказывало на писателя.

Одной из сквозных проблем, обсуждавшихся на конференции, стало формирование в Российской империи «публичной сферы» в ее взаимодействии с государственными институциями. В частности, этой проблематике было посвящено пятое заседание — «Государственная власть, литература и развитие публичной сферы».

Екатерина Вожик (СПбГУ) в докладе «*От фельетонов к радикальной критике: журнал “Современник” в диалоге с государством*» показала, как в рамках, казалось бы, «несерьезного» жанра вырабатывался язык, на котором можно было описывать автономию литературы. В фокусе внимания докладчицы был жанр фельетона, понимаемый как продуктивная литературная форма и, более того, особая манера повествования, которая способна распространяться на тексты других

жанров. Анализ фельетонных произведений И.И. Панаева, А.В. Дружинина и М.В. Авдеева, публиковавшихся на страницах журнала «Современник» в 1850-е годы, показал, что фельетон превратился в площадку для обсуждения свойств, границ и функций самой литературы в период «мрачного семилетия», когда, как принято считать, литературная жизнь пришла в упадок. В докладе также была продемонстрирована значимость фельетона для радикальной критики 1860-х годов: с учетом достижений фельетонистов более раннего времени Н.А. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский, Д.И. Писарев проектировали будущее литературы, противопоставляя государственной власти власть литературную. По мнению докладчицы, это позволяет говорить об особой идеологии жанра фельетона, свидетельствующей о возрастающей автономии литературы и постепенном складывании публичной сферы.

Кирилл Зубков (НИУ ВШЭ, Москва / ИРЛИ РАН) в докладе «*Прилично ли такое представление в театре?*: драматическая цензура середины XIX века на страже нравственных норм» говорил о том, как представления об общепринятых нормах морали влияли на решения российских цензоров. Согласно широко распространенному мнению, сотрудники соответствующих ведомств прежде всего интересовались политическим смыслом рассматриваемых ими произведений. В действительности, однако, цензоры постоянно оценивали произведения не только в политическом, но и в эстетическом и нравственном отношениях. В этом смысле российская цензура не была исключением: схожие проблемы беспокоили, например, английских и французских цензоров того же периода. Сотрудники драматической цензуры постоянно искали в рассматриваемых произведениях не только возможной угрозы государству, но и нарушения «приличий», прежде всего в том, что касалось сексуальной жизни и семейных ценностей. Докладчик показал, что на протяжении XIX века представления цензоров об обществе, его стратификации и его нормах менялись, а вслед за ними изменялись и принципы интерпретации драматических произведений.

С другой стороны подошел к близким вопросам *Михаил Макеев* (МГУ) в докладе «*Афанасий Фет — мировой судья (или поэт как следователь)*». Исследователь показал, что поэзия и общественная деятельность Фета, после крестьянской реформы занимавшего должность мирового судьи, вопреки его собственным заявлениям, были тесно связаны. Для Фета важное значение имели три особенности мировых судов: 1) отсутствие жалованья, не дававшее превратиться этой должности в хлебную; 2) солидный имущественный ценз, заведомо закрывавший путь в мировые судьи крестьянам и бедноте; 3) минимальное количество бюрократических и юридических формальностей, связанных с отправлением мировым судьей своих обязанностей. В глазах поэта эти свойства превращали мирового судью в своеобразную модель идеального государственного управления, в котором ключевая роль принадлежит таким, как он сам: людям не только солидным и опытным, но и обладающим развитым чувством меры и такта, хорошо знающим природу вообще и природу человека в частности. Макеев провокативно показал, что во многих лирических стихотворениях Фета, таких как «Лозы мои за окном разрослись живописно и даже...», «Знаю я, что ты, малютка...» и «Лес», обнаруживается своеобразный «взгляд следователя», характерный и для Фета — мирового судьи.

Другая группа докладов была посвящена связи государственной идеологии и проблематики литературных произведений. Шестое заседание конференции — «Репрезентация власти и государства в литературе» — открыла *Виктория Торстенссон* (Назарбаев Университет, Казахстан) докладом «*Влюбленный антропос*»: Педагогический роман Б.М. Маркевича “*Марина из Алого Рога*” и система классического образования в России». Докладчица выдвинула тезис об «униформности»

дискурса эпохи 1860—1870-х годов: политика, наука, журналистика и художественная литература говорили одним универсальным, взаимопроникающим языком, причем площадкой для таких высказываний выступали толстые журналы, а потому понимание роли литературы в социальной и политической истории должно выходить за пределы чисто иллюстративной функции. Этот тезис был раскрыт на примере романа Маркевича «Марина из Алого Рога», в котором докладчица увидела далеко не только прямолинейное выражение политических и педагогических идей, ходивших в близком Маркевичу катковском кругу. Маркевич стремился служить пропаганде и успеху гимназической реформы через разработку новых дискурсивных структур для разговора о классицизме, а также через создание моделей для подражания — ярких и вызывающих положительную идентификацию образов героев. Таким образом, автор «Марины из Алого Рога», как приверженец «эстетического» направления, ставил искусству задачу произнести свой собственный вердикт, не позволяя «направлению» превратить роман в чисто дидактический.

Кирилл Осповат (Университет Висконсин-Мэдисон) в докладе «*“Наши комиксы никак не могут обойтись без правительства”*: политическая форма в “Ревизоре”» рассуждал о соотношении жанра и темы гоголевской пьесы: комедии и государственности. Автокомментарии Гоголя, посвященные «Ревизору», и знаменитый разбор Белинского, и отзывы других рецензентов (например, П.А. Вяземского), и даже реакция Николая I ясно показывают, что проблемы существования бюрократической империи и ее подданных, вопросы о подлежащих соблюдению правилах и постоянно наблюдаемых сбоях определяли проблематику гоголевской комедии. По мнению автора доклада, прочтение пьесы должно, таким образом, разворачиваться на пересечении политической и эстетической теории. Такую интерпретацию Осповат предложил в докладе, смело опираясь на теории Гегеля и их истолкования у Белинского и раннего Маркса, которые ставили проблему связи между государственностью и комедийной формой. Доклад вызвал живую дискуссию, в ходе которой был поставлен вопрос о соотношении позиции автора и интерпретатора литературного произведения, в этом случае Гоголя и Белинского, а также о различных принципах истолкования пьесы, которых придерживались как Белинский, так и сам Гоголь в разные периоды своего творчества.

Другую перспективу связи литературы и империи задавала проблема воображаемого географического пространства, которое было актуально как для политической истории Российской империи, так и для ее репрезентации в литературных произведениях. Седьмое заседание — «Пространство Империи в литературе и журналистике» — открыла *Ингрид Клипис* (Университет Флориды). В докладе «*В мгновение ока: Формы имперского видения в гончаровском “Фрегате Паллада”*» («*In the Blink of an Eye: Forms of Imperial Vision in Goncharov’s “Frigate ‘Pallada’*»») она анализировала реакцию Гончарова на разностороннюю культуру выставок, с которой он столкнулся в Лондоне, образцовом современном и имперском центре середины XIX века. Созданная на основе визуальной эстетики, связанной с новейшими разработками в области оптики, культура Лондона середины 1850-х годов включала такие разнообразные явления, как музеи, панорамы, движущиеся диорамы и публичные демонстрации новых достижений технологии. Реакция Гончарова на эту всепроникающую культуру была неоднозначна. С одной стороны, его взгляд, несомненно, критический: англичане в конечном итоге оказываются поглощены визуальным потреблением информации и товаров. С другой стороны, в своем критическом восприятии Лондона Гончаров сам использовал образность, заимствованную из современной английской визуальной культуры, — калейдоскоп, панораму и движущуюся диораму. По мнению докладчицы, гончаровский «Лондон», увиденный через призму этих устройств, — это город, жители

которого воспринимают себя как объект колонизации, подлежащий коммерческой оценке и эксплуатации.

Доклад *Валерии Соболев* (Иллинойский университет в Урбана-Шампейне) «*Готическая Финляндия в российском имперском сознании (на материале литературы и публицистики сороковых годов XIX века)*» был посвящен связи образа Финляндии в русских литературных текстах и журнальных публикациях с политическими и историческими проблемами русской имперской идентичности. Образ Финляндии в русском культурном и имперском сознании сочетал элементы знакомого и «своего» и в то же время экзотического и «чужого». По мысли докладчицы, колебание между узнаваемостью и экзотической инаковостью Финляндии наделяло эту недавно приобретенную часть Российской империи элементом «жуткого» (фрейдовское *das Unheimliche*). Этот комплекс мотивов и ассоциаций был не исключительно эстетическим и мифологическим — он был связан и с политической проблемой колонизации и ассимиляции Финляндии, ее включением в Историю вообще, равно как и в имперскую историю противостояния России и Швеции. По мнению исследовательницы, эти проблемы в разной форме отразились в двух литературных текстах 1840-х годов — романе Н.В. Кукольника «Егор Иванович Сильвановский, или Завоевание Финляндии при Петре Великом» (1845) и повести В.Ф. Одоевского «Саламандра» (1841—1844).

Конференцию завершил доклад *Ольги Майоровой* (Мичиганский государственный университет) «*Имперское пространство в “Преступлении и наказании”*», в котором убедительно было показано, что известные по публицистике Достоевского имперские взгляды и его интерес к окраинам Российской империи во многом отразились и в его романах, в том числе «Преступлении и наказании», одном из главных произведений «петербургского текста» (В.Н. Топоров). Исследовательница обратилась к многообразию народов Российской империи, отразившемуся в «Записках из Мертвого дома», и продемонстрировала, что в этом произведении возникает утопический образ напоминающей фурьеристскую коммуны «империи любви», где преодолеваются конфликты разных народов. Анализируя «Преступление и наказание», Майорова выделила тонкий слой ассоциаций, связывающих петербургскую тему с темой имперского пространства. Исследовательница показала, как автор романа косвенно создает представление о всепримиряющем значении Российской империи, в которой могут разрешиться не только национальные, но и гендерные и экономические противоречия современного мира.

Алина Бодрова, Сергей Гуськов, Кирилл Зубков

Круглый стол
**«Пространства позднесоветского:
гомогенность или гетерогенность?»**
(ИГИТИ НИУ ВШЭ / ТюмГУ, 27 ноября 2020 года)

27 ноября 2020 года в рамках совместного исследовательского проекта «Поздне/Постсоветское: ценности, практики, акторы» состоялся круглый стол «Пространства позднесоветского: гомогенность или гетерогенность?». Мероприятие стало